

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

Память не меркнет

Народная летопись
выпуск 3

Торопец
2010

***«...Конечно, ценно все, что помнят и знают и военачальник,
и руководитель партии, и крупный хозяйственник в тылу.
Но ведь имеют самоценность и воспоминания рядового –
солдата, рабочего, младшего офицера, интеллигента,
колхозника, солдатской вдовы».***

***Николай Кузнецов,
Герой Советского Союза***

От составителя

Три года назад, в 2007-м году, в торопецкой библиотеке стартовал издательский проект «Народная летопись». Тогда мы предложили ветеранам поделиться своими воспоминаниями о пережитом, и они с готовностью откликнулись на это предложение. Результатом сотрудничества стал сборник «Наши души обожгла война» (2008), за ним последовал второй – «Мы из поколения двадцатых» (2009), и вот вы держите в руках третий сборник, изданный в рамках «Народной летописи» - «Память не меркнет».

Наши старики с каждым годом уходят от нас, затихают их негромкие голоса. Мы должны их услышать, нить памяти не должна оборваться.

Андреева Клавдия Васильевна

Я родилась и провела детство в деревне Согра Костромской области, поэтому не видела ужаса бомбёжек, но война принесла нам много страданий и бед, неожиданно ворвавшись в жизнь страны.

Июнь 41 года был тёплым, сухим. Всё взрослое население нашей деревни было на дальнем сенокосе с ночлегом. На утренней росе звенели косы, около палаток дымил костёр, на котором готовился завтрак и кипел большой чайник. Неожиданно мы увидели мужчину верхом на коне. Это был председатель колхоза. Все с любопытством окружили его. Председатель был немногословен: «Война началась! Всем срочно в деревню!» Приезжие из района раздавали мужчинам повестки о срочном выезде в военкомат. К вечеру мои односельчане, простившись с родными, взяв небольшие запасы еды, целым обозом выехали из деревни. Через неделю те из оставшихся, кто постарше, уехали на оборонные работы (копать окопы). Деревня осиротела. Вместо вечерних песен слышался плач женщин и детей. На их плечи легла тяжёлая работа.

На полях замелькали детские головки! Дети рвали лён, жали серпом пшеницу, ячмень. Коней в деревни не осталось, поэтому старшие дети старались научиться работать на быках, от которых много было увечий. На утренней заре, когда для детей самый сладкий сон, они выходили пасти коров и телят.

Скоро деревня наполнилась эвакуированными с Украины и Белоруссии. Спасая себя и детей, оставив всё нажитое нелёгким трудом, они были благодарны гостеприимным русским женщинам, которые принимали их в свои семьи, делились последними крохами. Непросто было привыкнуть к разному говору, разным жизненным обычаям. Но в школе мы быстро подружились, помогали в учебе, любили петь, особенно украинские дети.

В магазинах не было одежды и обуви, поэтому скоро все научились прясть куделю, ткать и носить домотканое. Для зимних забав детям делали ладейки и коньки, немногие имели санки. Я умела доить корову, знала все полевые работы, этому учила приехавших детей.

У меня был закончен один курс педучилища, которое потом закрыли, поселив там детей-сирот. Желаящим учиться дальше был предложен город Никольск, за 150 км. Или Великий Устюг – за 200 км. Никакого транспорта и дорог туда не было. Однако, группа ребят решила идти пешком в город Никольск: с мешками на плечах, в лаптях. Обувь хранили для учения в училище. Дорога была в основном лесами, редко встречались деревни. В одном волоке (так называли длинный путь лесом) мы увидели на горке полуразвалившуюся хату. Любопытство и желание отдохнуть заставило нас зайти туда. То, что мы увидели, всех нас поразило. В центре хаты на веревках, закрепленных на потолке, висела доска. На ней лежал старик, обросший бородой. На вопросы ребят он объяснил, что такое приспособление спасает его от тараканов и клопов, которые облепили стены и потолок. Детей у старика не было, бабка умерла. Ребята дали деду спичек, немного сахара и продолжили путь. Дорогу часто перебегали лоси, зайцы, лисицы.

Через день мы пришли в Никольск. Город старый, но нам понравился. Рядом река Юг – приток Северной Двины. Здание педучилища тоже старое, вокруг

вековые сосны и пихты. Два года мы учились здесь. Проблем и трудностей было много. Полное самообслуживание. Печное отопление. Далеко от города студенты заготавливали дрова. Однажды в лесу они обнаружили землянку, а в ней поношенные шинели, спички, окурки, металлическая посуда. Чайник был еще теплым. Тут скрывались дезертиры. Заслышав голоса ребят, они скрылись. Потом их обнаружили и отправили в штрафные роты.

В столовой варили суп из пшенной крупы без мяса и жиров, давали по 200 граммов хлеба. Из дому помочь не могли. Помогали колхозы, баловали нас морковкой. В свободное время мы оказывали посильную помощь местным старикам, получая за это небольшую плату. Изредка ребятам удавалось поймать на реке рыбу, тогда уже для всех был шикарный обед. Хотя город не бомбили, но студенты по ночам дежурили, ходили с фонариками, так как город не был освещен. В училище тоже были керосиновые лампы. Не смотря на трудности, мы серьезно относились к учебе, досуг занимали интересными мероприятиями. С последнего курса ребята уходили в армию, хотя еще возраст был не призывной.

В 1943 году я закончила педучилище, мне не было и 17 лет. Работала в Костромской области в начальной школе, в которой было 90 учеников из 4 деревень. Дети разного возраста и говорили на разных языках, так как были беженцы. Летние и первые учебные месяцы школа помогала колхозу, поля были все засеяны зерном и льном. Работы со льном было много: рвать, потом колотить семя, стлать на нивах, а заканчивали обработку взрослые. Школьники помогали копать картошку. Эвакуированные взрослые тоже освоились с сельскохозяйственными работами.

На уроках нередко дети делали подарки бойцам в армию. Девочки научились вязать носки, варежки, вышивать носовые платки, шили кисеты. Взаимно получали много писем с фронта, обещали после войны встретиться. В деревне не было радио, вечерами сидели с лучиной, керосина тоже не было. Новости с фронта не слышали.

Майским утром к школе подъехала красивая коляска, и в школу пришел мужчина со счастливой улыбкой на лице. «Дети, война закончилась! Оружием мы добились врага, трудом добудем хлеб. Скоро вернутся ваши отцы домой». Аплодисментами, криками «ура» наполнилась вся школа. Дети обнимали незнакомого человека, гладили и целовали его руки. Но кто-то сидел за партой и плакал. У них уже были похоронки на отцов.

Жизнь по существу надо было начинать сначала.

Иванова Надежда Петровна

Девичья моя фамилия – Танаева. Родилась в Торопце, на улице Полежаева, дом 9, жили там всей семьей, с дедушкой, с бабулечкой. Папа кузнецом работал: Петька Окунь и Васька Окунь, это братья были, кузнецы, топоры их приметные, с клеймом – окунем. Мне было два года, когда в 1932 году умерла мама. Нас осталось четверо, сирот: Нина, Володя, Рита и я. Папа скоро женился, взял женщину на 20 лет моложе себя, тоже с ребенком. Мачеха досталась нам недобрая, и жили трудно.

Когда началась война, отца взяли на фронт, остались мы все с мачехой. Она увела нас в деревню, где жила ее родня. Помню, как шли на Торопец немцы: на мотоциклах, на машинах, на лошадях. Сидим мы за столом, собираемся ужинать. А дедушка их, мачехин, только взял ложку, говорит: «И до нас немцы дошли...» - и сомлел, и умер...

Страшно было очень. Вот видим, на дороге немцы. Они не любили, когда дома замкнуты – ломали двери, могли поджечь. А мы у соседки вчетвером сидим, у нее и своих ребят четверо... Немцы заходят: «Матка, млеко! Матка, яйка!» Вынесла она им три кубана молока и корзиночку яицек. Они сразу делают гоголь-моголь и заставляют соседку попробовать, чтоб не отравила, значит. Она попробовала. «Гут, гут, матка!» Напились, наелись, правда, и нам по большому куску сахару оставили. Мы были рады без памяти, думали, какие хорошие нам попались немцы...

Через какое-то время нам пришлось вернуться в город. На площади немцы виселицу поставили, там вешали. Собрали много народу в Доме культуры, хотели расстреливать, но людям удалось спастись. Цыган расстреливали, евреев расстреливали. Рядом с кладбищем Восстань было стрельбище, там они заставляли людей рыть себе могилы. Расстреливали, зарывали, и потом вся земля поднималась, шевелилась...

Раз к нам домой немцы пришли, вот один по-русски спрашивает: «Танаев Петр Иванович, кузнец, где он?» Мы говорим: «Не знаем, ваш солдат взял...» Сидим, плачем. «Мы его найдем и с собой возьмем, будет нам лошадей ковать». Потом смотрим, повели тетю Моню, папину сестру – про него, видно, спрашивать, все его искали...

В январе у нас умер дедушка. Он еще не был похоронен, лежал на столе, когда рано утром, в пять часов, пришли к нам три немца. Мы подумали, что грабить будут. Ценностей у нас никаких не было, в сундуке лежал папин баян, так мы на сундук сели, чтобы они туда не полезли. Немцы подошли к покойному: «Партизан! Партизан!..» Не поверили, что мертвый, стали тормошить, столкнули гроб. Дедушка упал, упал прямо на пол. Мы заплакали, немец на нас: «Молчать!» И стали они по дому шарить, все оружие искали, у кого хоть какой патрон находили, сразу в комендатуру. Но у нас ничего не было.

Когда наши наступали, был взорван мост через Обжу, чтобы немцы не могли пройти. А немецкие лошади были здоровые, мясистые, они загоняли этих лошадей в снег и по их спинам переходили. Много лошадей погибло, остальные разбежались, разбрелись по лесу и по линии. Мы тогда снова были в

бегах, жили у мачехиной родни, на Всполье. Раз мачеха пошла на линию собирать трофеи. Принесла много всего: сыру, масла – все было при отступлении кинуто. Потом она говорит сыну своему Кольке: «Поймай лошадь хорошую немецкую и приведи домой, мы ее в хлев поставим, глядишь, у нас мясо будет». Колька эту лошадь поймал, а пока гнал до Полежаевой улицы, три раза наши поменяли ему лошадь, привел какую-то совсем худенькую.

Вот как-то мачеха мне говорит: «Сбегай домой на Полежаеву, посмотри, как там лошадь и цел ли баян». Я бегу по линии, смотрю: там немец лежит, там наш лежит, мертвые, изуродованные, страхота была божья... Я бегу, и только оглядываюсь, не встанет ли кто, вдруг меня схватит... Прибежала домой, смотрю, лошади нету, угнали, наши уже угнали.

Город был освобожден, решили мы домой возвращаться. Пришли, отомкнули, стали жить. Дедушку свезли на кладбище, но могилу не рыть не стали. Стояли сильные морозы, земля была мерзлая, закопали в снег...

Я рано начала работать. Была такая тетя Клава Штобель, родня по отцу, она меня научила шить, и я пошла работать в артель «Объединенный труд», на Советской улице. У меня тогда не было ничего ни одеть, ни обуть, голая, босая, голодная. Как-то мне на работе девчонки отдали свои карточки на хлеб: иди, говорят, получи. На карточку тогда по 400 г. хлеба давали. Пошла в магазин, там давка, а я то что, глупенькая: положила эти карточки в карман. Подхожу к прилавку – карточек нету. Расплакалась, прибежала обратно на работу, девчонки говорят: ладно, хлеба, картошин принесем, как-нибудь тебя не бросим. Хорошие девчонки со мной работали. А мастером у нас была Екатерина Васильевна Хасанова, маленького росточка и большой души женщина: все тебе покажет, все расскажет, никогда не накричит. Благодаря ей я многому научилась.

День Победы помню хорошо. Бегу на работу в «Объединенный труд», к стадиону подбегаю, слышу – что такое? – гармонь играет, песни поют, кто пляшет, кто плачет – ничего не понимаю... Завернула за угол, там тарелка висела на столбе, и Левитан передает: кончилась война!

Капцевич Мария Марковна

Я родилась в 1916 году, 27 января, сейчас мне 95-ый год уже пошел. Жили мы в Торопце, на улице Калинина, тогда она называлась Вознесенской. Папа работал кондуктором на железной дороге, мама была домохозяйкой. Мальчики в нашей семье не приживались, все умирали в детстве. Было нас три сестры – выжили, выросли. Теперь уже и сестер моих нет на свете, осталась я, самая старшая.

Училась я всегда отлично, закончила железнодорожную школу, потом Великолукский медицинский техникум. В 1934 году направили меня на работу в медпункт, в Грядцы, там и с мужем своим будущим познакомилась. Он в тот же год в Грядцы приехал, директором школы работал, на два года старше меня был, два года и две недели. Я хорошо знала немецкий язык, а там не было учителя немецкого, и он меня уговорил пойти работать в школу.

Поженились, родились у нас двое детей, сын и дочка. Квартиру нам дали при школе, хозяйство держали: лошадь, корову, поросенка, кроликов. О войне мы узнали из сообщения по радио. А в августе немцы были уже рядом. Помню, подоила я утром рано корову, иду, молоко в подойнике несу, вдруг подбегает офицер и говорит: «Как нам проехать в Западную Двину?» И смотрит на меня: «Вы, - говорит, - что, собираетесь при немцах остаться? Они уже в Лоховке». А Лоховка от Грядец в двух километрах. Я не помнила, как мы собирались. Забегаю в дом, говорю: «Немцы в Лоховке!» Муж говорит: «Все, я лошадь запрягаю, сейчас же поедем». Лошадь запряг, ребяташек на лошадь, и поехали. Все хозяйство пришлось оставить.

Конечно, в дороге было всякое... Были и такие, которые говорили: «Куда вы бежите? Наши освободители идут!» Мы уже и не уточняли, что не хотим жить при немцах, говорили просто, что боимся стрельбы да боев. На ночлег нас не пускали, ночевали наши детки на телеге. Так мы добрались до Калинина. При переезде через Волгу муж встретил знакомого, с которым вместе учился. Тот уже в форме офицера, подбегает, здороваётся и сразу говорит: «Вам нельзя по правому берегу ехать, мы его не удержим, мы сейчас сдадим Калинин, под Москву идем. Если пойдете по правому берегу, - говорит, - вас убьют». Немцы шли не удержиимо...

Мы двинулись по левому берегу Волги. А по правому стрельба идет без остановки, страшно... Отъехали мы за Калинин, там село Рождествено, Оршинский район. Муж в районо зашел, и его назначили директором Стареньковской школы. Оттуда его и на фронт забрали. Осталась я с детьми одна.

Как сейчас помню: сидим мы вот так за столом, заходит женщина, и в руках у нее полотно – белое, как снег. Развернула она его, разложила, а там булки белые, свежие. Мы-то уже и хлеба ели не вдоволь, по карточкам... Женщина говорит: «Ребятки, идите ешьте». Мне надо было спросить, по какому это случаю. Но молодость: я тогда не спросила... Ребята мои не пошли сначала, а я говорю: «Идите ешьте». Поели они этих булок, тогда я и спрашиваю: «А чего вы принесли? Хлеба куска черного не достать нигде, а тут булки белые...» Она и говорит: «У меня умерли пятеро детей в течение недели, я поминать

принесла». Я ей: «А от чего они умерли?» «А, - говорит, - не знаю, какая-то заразная болезнь, сразу они умирали». Эта женщина, оказывается, принесла скарлатину. Дети мои после ее прихода заболели, дочку удалось спасти, а сыночек умер. Генрих его звали, очень умный был мальчик. Вообще у меня там два сына похоронено. Когда мы из Грядец бежали, я была беременна. Родился мальчик, я его в память об умершем тоже Генрихом назвала. Соседи говорили, что нельзя одним именем называть, жить не будет. Так и оказалось, и второго мальчика не стало.

Там же, в селе Рождествено было. Как-то приходит в школу офицер и говорит: «Кто у вас хоть немного знает немецкий? Мы пленного задержали и не можем допросить». А учителя на меня показывают: она, мол, знает. Офицер подходит ко мне и говорит: «Пожалуйста, переведите, помогите нам». Я усомнилась: справлюсь ли, ведь пленный – чистокровный немец. Боюсь, говорю, даже за такое дело братья. «А мы, - говорит офицер, - и вовсе не знаем ни одного слова». Заговорила я с пленным, а немец на меня все так пристально смотрит, потом говорит: «За сколько проданась?..» - и обругал меня продажной женщиной. Я не ожидала такого, смутилась, тогда наш командир спрашивает: «Мария Марковна, переведите, что он вам такого сказал, что вы даже в лице переменились?» Я говорю: «Он меня оскорбил...» - ну и перевела его слова. А командир мне в ответ: «Он вас за свою принял – значит, вы языком отлично владеете. Как нам приятно это, мы теперь будем к вам всегда обращаться». И вот пока шли бои под Калинином, пленных немцев еще не раз водили ко мне для перевода.

Когда муж пришел с фронта раненый, мы вернулись в родные края. Жили в Бридине, работали в Бридинской школе, потом стали жить в Торопце. У мужа была тяжелая контузия, черепно-мозговое ранение и осколки в самом веществе мозга. Везде мы ездили, где его могли вылечить, но везде говорили: мы мозг не оперируем. Много лет я уже вдова. Дочка наша выросла, вышла замуж за эстонца, живет в Эстонии. Моя жизнь вся связана со школой, с учениками; учительствовала я долго, уже будучи на пенсии. И сейчас еще получаю весточки от учеников, которым всегда очень рада.

Куликова Мария Ивановна

Я родилась в 1925 году в большой дружной семье. Мне было 10 лет, когда в 36-летнем возрасте умерла моя мама, оставив шестерых детей. Младшей девочке было два года. Отец наш, Изотов Иван Павлович, был замечательный человек: добрый, порядочный, трезвый, умный, с юмором. Он никогда не повышал на нас голос, но мы его слушались беспрекословно. Через год после смерти мамы папа женился на женщине моложе его на 11 лет. Она жила в деревне, замужем не была. В приданое ей дали корову Зорьку. Ох, до чего хороша была Зорька! Окрас светло-коричневый, а глаза с длинными черными ресницами. Когда она ими моргала, то казалось, что это бабочки крылышками машут. Мачеха наша, Ефросинья Константиновна, оказалась доброй женщиной, относилась к нам очень хорошо, и мы ее тоже полюбили.

В 1941 году я окончила 8 классов. Собиралась ехать учиться в Великолукский железнодорожный техникум. В семье нас, детей, уже было семеро, и папа с мамой, так что нужно было приобретать специальность, чтобы помогать отцу, мать не работала.

22 июня началась война. Отца, инвалида еще прежней войны, на фронт брать не стали. А меня в начале июля вызвали в райком комсомола и сказали, чтобы через час была на вокзале, поедем расчищать путь после бомбежки. Куда поедем, не сказали, только велели предупредить родителей, что вернемся не сегодня. Я наскоро оделась, захватив с собой пальтишко, чтобы ночью не замерзнуть. Ни смены белья, ни обуви, ни мыла, ни полотенца – ничего с собой не было взято. Сели в товарный вагон – и поехали.

Привезли нас в Селижарово рыть противотанковые рвы. Работали много. Подъем был в 6.00. На завтрак каша пшенная с дымком вместо масла (почему-то она всегда была пригорелая). Обедали прямо во рвах. В 21 час нас привозили к месту ночевки. Опять каша пшенная, кипяток. Спали в какой-то заброшенной усадьбе, прямо на полу, подстелив охапку сена. Мылись в Волге и стирали в ней же. Мыла не было. Я один раз выстирала свое платье на остром камне, и оно стало как из марли (терла от души, без мыла). Рубашонка тоже порвалась, и хоть жара стояла ужасная, мне скоро пришлось одеть пальто, потому что тело сквозь ткань светилось. Потом от холодной воды завелись вши. У подруг моих, Тони Краснописцевой и Клары Марковой, были длинные косы, им плохо приходилось. Но несмотря на трудности, домой никто не просился, все понимали, что мы должны остановить врага.

Привезли нас домой в конце августа: худых, грязных, вшивых, в рваной одежде. Выстригли под машинку. Первое время, пока не окрепли, мы все хотели есть, и кормили нас осторожно.

А враг наступал, немцы заняли Великие Луки. В Торопце было тревожно, многие покидали город. Нам, с такой семьей (младшей было всего четыре года) об эвакуации и думать было нельзя. Отец и старшая сестра продолжали работать, но жили мы в ожидании чего-то страшного. Накануне взятия немцами Торопца прибежала с работы сестра и стала умолять отца покинуть город, уйти к нашим. Как идти, куда? Но отец согласился. Вот тут-то и послужила нам наша корова Зорька. Мы быстро собрали теплые вещички для маленьких, кое-

что съестное, кастрюльку, битон, тарелки железные. Все это погрузили на коровку. С нами пошла моя подружка Тоня (она одна жила, мать умерла) и соседка с тремя детьми. Всего собралось четырнадцать человек.

Пошли мы по Понизовскому большаку в сторону Грядец. Народу на большаке было очень много. На ночлег остановились в лесу. Утром услышали шум на дороге. Это мчались немецкие машины, мотоциклисты. Мы с криком кинулись глубже в лес. В том краю мы знали одну деревеньку и направились к ней. В избы нас не приняли, пришлось на опушке леса рыть землянки. Для коровки сделали из веток шалаш. Так и устроились вместе, все четырнадцать человек. Ходили на поля, копали картошку, разводили молоком и ели. Детишки ходили по избам, там им давали хлеб, крупу гречневую, овсяную. Так мы прожили недели три. Немцев в деревне не было, но однажды мы увидели мотоцикл с немцами. Они издали заметили огонь в лесу и людей на опушке. Обстреляли опушку и укатили прочь. Назавтра староста приказал нам покинуть лагерь, иначе немцы обещали прислать карательный отряд и спалить деревню. Мы снова погрузились на коровку и всей уже семьей пошли в город.

Дом наш оказался раскрыт, все, что можно и нужно кому – растащено. Как бы ни было трудно, отец сказал, что на работу к немцам никто не пойдет. Вначале, пока земля не замерзла, ходили на поля перекапывать картошку. Наносили много, но большой семьей и съели быстро. Потом собирали мороженые очистки картофельные (рядом была немецкая кухня). Промоем и на сковородку. Жарили на рыбьем жире, у нас его сохранилось две бутылки (раньше детей им поили). Все это было ужасно невкусно, но ели. Потом кто-то подсказал, что в лесу при отступлении зарывали в землю тесто из пекарни. Оно перемешалось с песком. Мы ходили, ведрами носили это тесто. Блины из него жевать было нельзя: песок скрипел под зубами, но глотали. Скоро и это закончилось. Пришлось брату идти работать на хлебопекарню. Сам он поест там мог, но домой ничего нельзя было взять. Сразу расстрел. Тогда его кто-то научил: раскатать тонкую лепешку, наложить ее на живот и прижать одеждой или поясом. И когда конвоир незлой (были и такие немцы) брат проносил такую лепешку домой. Дома ее пекли на чугунке и делили по едокам. Брат свой кусочек не ел, а прятал. Когда не удавалось принести – отдавал малышам. Часто приносил что-нибудь для маленьких и соседский мальчик Коля Федоров.

От вечного недоедания, от страха, заболели. У старшей сестры плечи и спина покрылись гнойной слизью, у меня на животе и груди были сплошные болячки. От боли трудно было менять одежду. Первая военная зима выпала морозная, многоснежная. Полицейские ходили по домам, выгоняли на работу – расчистку снега. Глянув на наши болячки – отставали, обещали изолировать нас от семьи и общества.

Нашу семью любили соседи, к нам заходили и взрослые и дети. Все были уверены, что немцы скоро побегут, и мы освободимся из плена. Один сосед, дядя Саша Титов, так и говорил: скоро побегут эти лайбусы. Ох, как он ненавидел! Погиб он от их грязной руки. Как-то в декабре поковылял с санками в деревню поменять соль на хлеб, у самой деревни встретил конный немецкий отряд, они его и застрелили.

Дня за три до освобождения Торопца все взрослое население было загнано по церквям: там провели регистрацию и приказали никуда не отлучаться из города. Получается, что всего на несколько дней опередили наши воины-освободители немцев, а не то увезли бы они всю молодежь в рабство.

19 января. Праздник Крещение. Наши наступают. Утром, часов в 11, начался обстрел города тяжелой артиллерией. Один снаряд попал в немецкий штаб, расположенный на перекрестке улиц Ленина и Калинина. Штаб сгорел, мы радовались, что много погибло фашистов. 20 января немцы отступали, они шли колоннами по Советской улице к вокзалу. Под вечер в городе была тишина. Ни немцев, ни наших. Сестра шутила: «Я комендант города!» Мы не ложились спать. 21 января в два часа ночи услышали шум, скрип полозьев санных. Дом наш был в переулке Свердлова, рядом улица Советская. Мы выбежали на улицу. Вдруг слышим: русский мат и «ну, поехали!» Сразу поняли, что это наши. Обозы стали заезжать в переулок и расквартировываться по домам. Нас, худых, голодных, солдаты очень жалели, давали нам продуктов. Сколько было радости и слез...

Немцы за время оккупации загадили многие здания. Мы, все, кто мог, вышли расчищать город. Жизнь стала налаживаться. Но уже освобожденный город немцы стали бомбить. Как только время подходило к полуночи, слышалось тяжелое гудение немецких бомбардировщиков. Бомбы они сбрасывали не сразу: летали, нудно гудели, выбирая цель. Потом шумно снижались и сбрасывали бомбы. Наш дом долгое время находился в эпицентре бомбежки. Осколком снаряда, сброшенного на улице Ленинградской, была убита тринадцатилетняя девочка Нина. Она выбежала из дома, и в воротах ей снесло голову. У нас тогда выбило все окна с перерамками, взрывной волной снесло коридор. Через несколько дней нас снова бомбили. Соседский мальчик, двенадцати лет, выбежал на крыльцо, и на пороге его сразило осколком насмерть. Еще одну бомбу скинули уже глубокой ночью, тогда чуть жертвами не стали я и моя сестра. Мы легли спать. Обычно, заслышав гул бомбардировщиков, мы вставали и выходили во двор или огород, там ложились на землю. На этот раз мы не послушались отца и не вышли. Гул нарастал, папа ругался на нас, а мы продолжали лежать на кровати. Вдруг над нашими головами раздался страшный шум, и мы вмиг свалились на пол. Бомба упала совсем рядом, осколком пробило стену дома напротив наших голов, разорвало наши подушки и тумбочку. В комнату было не войти, перо с подушек стояло в воздухе тучей, а мы лежали на полу чуть живые. Но живые. Этот день мы считали своим вторым рождением. Бомбили нас еще долго.

Брата моего взяли в армию, вскоре вызвали в райвоенкомат и меня. Проходил призыв девушек 1924-25 гг. рождения. Мне не повезло: комиссия забраковала. Помню, как военврач сказал: «Иди, милая, сердечко лечи...» Я плакала.

Когда в Торопце обосновался фронтовой военно-полевой эвакогоспиталь, я стала в нем работать. Было мне тогда 16 лет. Работать приходилось сутками. Мы были и санитарками, и помощниками медсестер, и грузчиками. За многих раненых приходилось по их просьбе писать письма их родным. Какие это были письма! Ни жалоб, ни стона. Успокаивали родителей. Желали скорее

подлечиться и на фронт. А когда было меньше поступления раненых – мы становились артистами. Все девчонки, кто как мог, участвовали в организуемых «концертах».

Среди раненых было много совсем молодых мальчиков. Однажды один раненый парнишка дает мне записочку. Я читаю:

Много звезд на небе ясном,
На земле цветов прекрасных,
Песнопевных птиц красивых,
Милых сердцу и для глаз –
В мире нет милей и краше
Златокудрой Муси нашей.

Муся – это я. Красива не была, но молода была, волосы отдавали рыжиной и вились. Дальше у меня был выходной, отозвали, так как непрерывно подвозили раненых и увозили в тыл тяжело больных. Я даже спасибо этому парнишке не успела сказать, как через пару дней снова он отдает мне записочку. В записочке опять стишок:

Мне приснился сон чудесный,
Был в саду весеннем я,
На балу цветов прекрасных
Слушал пенье соловья.
Розы, лилии и астры,
И других цветов прекрасных
Было много. Соловей,
Песен звонких чародей,
Песней радовал своей.
Среди всех цветов –
Прекрасней всех была ты.
Поглядел я вдаль от сада
И увидел войны бурю.
Подсказало сердце мне:
Быть не может в мире счастья,
Не сгубив врага в войне.

Вот какие ребята-солдаты были в те годы! Они знали, что нужно разбить врага, добиться победы, а потом и полюбить кого-то. С таким настроением у бойцов мы не могли не победить!

Закончилась война. В 1949 году я вышла замуж за офицера. Была Изотова, стала Куликова. Вырастила сына и дочь, имею троих внуков, пять правнуков.

Львов Владимир Иванович

Родился я 25 ноября 1937 года в городе Торопце. Жили мы на улице Володарского 58, сейчас это дом № 62. Семья наша была большая и состояла из 8 человек: отец Иван Титович (родился в 1909 году, предположительно в деревне Хмельники), мать Елена Яковлевна (в девичестве Бурмистрова), бабушка Аграфена (к сожалению, не помню её отчества) и мы дети – сестры Женя (родилась 11 января 1933 года). Шура 1934 г. рождения (точную дату установить не удалось), Тамара (родилась 1 февраля 1936 года), я и младший брат Виктор, который родился 9 октября 1940 года. Дом наш был небольшой: 4 на 6 метров, и я всегда поражался, как же мы все в нём размещались. Помню, у бабушки рядом с русской печкой, на которой спали мы с сестрой Тамарой, было что-то вроде лежанки, брат Виктор спал в люльке, подвешенной к потолку, а вот где спали родители и Женя с Шурой – совершенно не помню. Из довоенных лет еще мне запомнилось, что у нас в хозяйстве было 2 коровы, одну из них звали Роза.

Мой дед со стороны матери Бурмистров Яков Семёнович - бывший кулак. А дед со стороны отца работал у него батраком. Наверное, именно поэтому дед Яков не любил моего отца Ивана Титовича. Эту нелюбовь он перенес на мою сестру Женю и брата Виктора, которые были похожи на папу.

Отец работал на железной дороге в депо, которое подчинялось почему-то Ржевскому отделению. Работал он то ли слесарем по ремонту вагонов, то ли осмотрщиком вагонов. Но все называли его вагонным мастером.

Когда началась война, железнодорожников брали на фронт в последнюю очередь, так они были необходимы и для подвозки солдат на фронт и для эвакуации мирного населения в тыл. И как все работники стратегически важных объектов отец оставил работу только после того как фашисты приблизились к городу. Отец попытался вывезти семью вглубь страны, но доехать мы смогли лишь до станции Охват. Здесь нас перехватили немцы, и мы вернулись назад. Отрывочные воспоминания об этой поездке остались в моей памяти.

Захватив город, гитлеровцы взялись за восстановление железнодорожного движения. Они под угрозой смертной казни заставили железнодорожников, среди которых был и мой отец восстанавливать вагонный парк и железнодорожные пути. Вскоре движение было восстановлено, поезда пошли. Однако удовлетворение фашистов было недолгим. Отправляемые из Торопца поезда перестали доходить до конечной станции – выходили из строя вагоны.

В различных публикациях, посвящённых моему отцу, указывается, что он был подпольщиком. Если он и действовал по заданию, то, скорее всего, был связан с Ржевским подпольем. Но подтверждений этому нет, исследованием этого вопроса никто не занимался. Точно так же нет никаких сведений, подтверждающих его участие в партизанском движении. Если бы он действовал по заданию партизан, то вероятно, в каких-либо документах, воспоминаниях партизан, были бы упоминания об этом.

Я думаю, что мой отец не был связан ни с партизанами, ни с подпольщиками, тем более что он был беспартийным. Скорее всего, он действовал в одиночку,

по велению своего сердца. Он был одним из немногих патриотов, бросивших вызов фашизму под носом у гестапо.

Отец, несмотря на установленную за рабочими слежку, по долгу службы досконально зная конструкцию вагонов, повреждал сцепление тормозов, в результате чего отказывали рукава тормозных систем. Таким образом, он вывел из строя почти 30 железнодорожных вагонов.

Фашисты подняли на ноги гестапо и через своих пособников вышли на Ивана Титовича. Предполагали, что его выдал какой-то Гурий, который был сапожником, и отец несколько раз давал ему войлок, из выведенных им из строя тормозных колодок. Этот Гурий и донёс на него фашистам. По словам, торопчанина П. Васильева, который жил в доме №10 по улице Лесной, отца схватили прямо на месте, когда он выводил из строя систему тормозов. Сам Васильев в 1942 году был на фронте, а про отца ему рассказали железнодорожники, бывшие свидетелями случившегося.

Отец был арестован в начале декабря 1941 года. Его жестоко пытали, стараясь выбить признания в содеянном и заставить выдать возможных помощников.

Много раз приводили отца из тюрьмы к нам в дом на допросы.

Соседи, которые жили от нас через дом (их точной фамилии я не знаю, помню, что все называли их Юзиковы), рассказывали мне, что когда фашисты вели его по улице, то били дубинками. Отец падал, его поднимали и опять били. Так и пригоняли его домой на улицу Володарского. Бабушка и мама на время допроса заставляли меня и сестру Тамару прятаться в землянке, вырытой на улице, или загоняли на печку за занавеску.

Позже старшая сестра Женя рассказывала мне, как пытали отца. Фашисты заматывали ему проволокой руки, и, выбросив из люльки маленького Витю, подвешивали отца на крюк под потолком, на котором висела люлька. И продолжали бить его дубинками, затем, сняв с крюка, уже на полу избивали ногами. Его пытали, требовали показать место, где он прятал рукава воздушного сцепления. Всё это происходило на глазах родных. Затем стали истязать больную мать, жену и даже грудного брата Витю, рассчитывая, что отец не выдержит не только физических, но и нравственных мук и заговорит. Но он молчал.

Несколько раз арестовывали нашу маму, Елену Яковлевну. Её тоже пытали, били плетью и в бессознательном состоянии доставляли домой.

Немцы неоднократно производили тщательные обыски у нас дома и на огороде. Но зима 1942 года была снежной, и на огороде фашистам ничего найти не удалось.

Так ничего и не добившись, 17 января, перед самым освобождением Торопца отца казнили.

Мама, по словам моего деда Якова Семёновича Бурмистрова, погибла через месяц после казни отца, в феврале 1942 года. Она вместе с моей сестрой Тамарой ходила за вокзал на улицу, которая, кажется, называлась Андреевская (точно не помню) к родственникам или знакомым. Они должны были дать нам картошку. И мама с сестрой за ней отправились и попали под бомбёжку. Их убило одной бомбой. На улице в тот день был сильный мороз, и когда их

привезли домой, они были как ледышки. У мамы взрывом была разворочена вся передняя часть тела. Похоронили маму и Тамару вместе 15 или 16 февраля.

Вот так мы осиротели и на руках бабушки Аграфены, которая к тому времени совсем ослепла, осталось четверо детей, можно сказать, мал-мала меньше. Самой старшей из нас, Жене, было 9 лет, младшему Виктору не было еще и полутора лет.

Как мы выжили, чем питались больше года, я не представляю. Огород был совсем маленьким, сотки полторы-две. Чтобы выжить, бабушка вынуждена была пускаться на постой посторонних. Очень хорошо помню одну из них - тётю Шуру, которая до войны, во время войны и после неё работала в магазине на улице Шевченко. Я даже до сих пор помню запах колбасы, которую она приносила домой, и когда доставала её из своего огромного сундука, то по всему дому разносился этот аппетитный запах. У нас детишек, сидящих на печке, от этого запаха кружилась голова.

По весне, когда начал таять снег, на огороде мы находили много разного железа и складывали его возле сарая. Получилась по моим детским понятиям довольно большая куча этих железок. Наверное, это и были улики, которые искали фашисты во время обысков у нас дома и на огороде.

Очень хорошо помню, как этой же весной, я с какими-то двумя женщинами, одна из них, кажется, была моей крёстной, ходили искать место казни моего отца.

Запомнился мне где-то на окраине города, стоящий отдельно от других жилой дом, примерно такого же размера, как и тот, в котором мы жили. Напротив крыльца росли 4 берёзы, не очень толстые, диаметром около 15-16 сантиметров. Между ними были прибиты перекладки или брусы, на которых болтались верёвки с сильно разлохмаченными концами. На одной из них каким-то образом держалась табличка, сделанная то ли из фанеры, то ли из картона, длиной примерно 30 сантиметров и высотой около 15-20. На ней было что-то написано. И только когда я в 5 классе стал изучать английский язык, я понял, что на табличке печатными буквами была написана фамилия моего отца: «Lvov». Надпись была сделана какой-то чёрной краской, или же дёгтем.

Перед березами, на расстоянии метра или полутора находились 3 наполовину засыпанные могилы.

Что ещё запомнилось? От этого дома вниз шёл уклон, за которым было большое поле, и на нём, находились какие-то разбитые голубые машины, напоминающие автобусы.

В конце лета 1943 года Женю, Шуру и меня забрали в детский приёмник. К сожалению, я не помню, где конкретно в то время он располагался. Запомнилось, что это было небольшое деревянное здание с очень низкими окнами. И очень ясно помню себя, маленького, больного (я ведь был дистрофиком), сидящего перед этими грязными маленькими окнами в ожидании, когда же придут сестры Женя и Шура, которые учились в железнодорожной школе и их, вместе с другими детьми из детприёмника водили туда на уроки. А я всё высматривал, когда же они придут. Без них я очень скучал и часто плакал. Да и не удивительно, ведь мне не было ещё и

шести лет, а на мою долю уже столько всего выпало. Один раз я не выдержал и убежал домой. Но, меня, конечно же, вернули обратно.

Несколько раз в детдом к нам приходил дед Яков Семёнович. Он жил недалеко, на улице Ленинградской (раньше этот был дом под номером 3, а сейчас это дом № 47). Однажды дед принёс нам огромный кусок какого-то варёного мяса, которое мы с сёстрами с наслаждением ели и никак не могли от него оторваться и всё жевали и жевали это мясо. Где он его взял - не представляю, ведь никакого хозяйства дед не держал. Кажется, это была медвежатина или мясо лося. Запомнилось, что было очень вкусно.

В Торопецком детском приюте мы пробыли недолго. Этой же осенью нас отправили в Красный Холм. Началось наше скитание по детским домам. В Краснохолмском детдоме мы старались держаться вместе, не расставались. Очень боялись, что нас разлучат. Так и произошло. Однажды Женю куда-то вызвали, пообещав нам, что она скоро придёт. На самом деле её отправили в Кувшиновский детский дом. Мы с Шурой очень долго ревели и не понимали, зачем надо было забирать от нас нашу старшую сестру.

Почему не разлучили нас с Шурой? Наверное, потому, что я был очень слаб, и она за мной присматривала.

В том же, 1943 году нас перевели в детский дом в село Васильевское Шуйского района Ивановской области. Здесь мы с Шурой прожили до 1946 года. Я в этом году закончил 1-й класс, а сестра перешла в 3-й и нас отправили в детский дом № 3 города Шуи.

От пребывания в Васильевском и Шуйском детских домах у меня остались самые тёплые воспоминания. Все сотрудники от директора до уборщицы относились к нам как к своим родным детям. И старались как могли заменить нам наших погибших родителей. Мы бывали в домах своих воспитателей, дружили с их детьми. В общем, жили одной семьёй, вместе делили и радости и горести, которых в это трудное время было немало. А Елена Васильевна Клюева, которая была директором Васильевского детского дома, даже хотела меня усыновить, но мы с сестрой Шурой решили не разлучаться, и я остался в детдоме.

Мой младший брат Виктор также не избежал детдомовского детства. Когда нас в 43 году забирали в детский приют, бабушка, не отдала самого маленького из нас - Витю. И до самой смерти бабушки он был её глазами, её поводырем, когда бабушка ходила побираться. Витя до сих пор помнит, как водил бабушку, как ему приходилось в рваной обувке, а то и босиком, ходить по любой погоде.

Бабушка умерла в 1945 году, но где и когда это произошло, никто не знает, может быть, и во время скитаний в поисках куска хлеба. Где похоронена бабушка тоже неизвестно. Витя был слишком мал, чтобы запомнить это.

После смерти бабушки, в том же 1945 году, Витю отправили в детский дом сначала в Пено, а затем Знаменское Торопецкого района.

Женя после детского дома вернулась в Торопец и до замужества работала на швейной фабрике.

В 1951 году Шура закончила Шуйскую семилетнюю школу № 19. Она решила вернуться в родной город, в свой родной дом.

В том же году, сдав экзамены, она поступила в Торопецкое педагогическое училище. Но проучилась там она совсем немного, всего один курс. Ведь надо было на что-то жить, помощи ждать было неоткуда. Шура была вынуждена уйти из педучилища и устроиться на работу на швейную фабрику.

Я в 1952 году, закончив 7 классов, там же в Шуе поступил на строительное отделение в индустриальный техникум.

На каникулы я приезжал домой, радовался встрече с сёстрами, общался с дедом Яковом.

А в 1955 году погибла сестра Шура. В один из выходных дней она вместе с подружкой Люсей Кивит и Павлом Шатровым, с которым она дружила, поехали кататься на лодке. Лето было жаркое, баня в выходной не работала и Шура решила искупаться и помыться. Оставив Павла на острове, они с Люсей отплыли на лодке, и Шура нырнула. Может быть, там оказалось мелко, может быть, она хватанула глея со дна озера, или она просто захлебнулась водой. Но, вынырнув далеко от лодки, она стала тонуть и звать на помощь. Люся как могла, изо всех сил гребла к ней. Крикнула Павлу, что Шура тонет. Тот бросился в воду и тоже поплыл к ней на помощь. Но, когда, наконец, Шуру вытащили из воды, было поздно: спасти её не удалось. Так как родственников в Торопце у неё не было, похоронили Шуру за счёт швейной фабрики.

Я учился в это время на 3 курсе индустриального техникума и был на практике в посёлке Высоковское возле Клина, а в свободное время, (хотя официально это не разрешалось) мы с ребятами подрабатывали на стройке: грузили кирпичи, ремонтировали цеха, одним словом, были подсобными рабочими и выполняли самую тяжёлую и пыльную работу.

Телеграмма о смерти Шуры пришла часов в 11 вечера. Но, ребята, с которыми я работал, мне о ней ничего не сказали, так как денег, чтобы ехать на похороны у меня всё-равно не было. Поэтому они решили, что я сначала должен получить деньги, которые нам обещали выдать за работу, и тогда отдать мне телеграмму. Утром о телеграмме мне тоже ничего не сказали. И пока я с одним парнем работал, двое других ходили выбивать положенные нам деньги. О смерти Шуры я узнал только в 16 часов.

Сразу стал собираться в дорогу, ехал с пересадками: сначала из посёлка Высоковского до Клина, затем до Бологое. Поезда в то время ходили плохо. Не было поезда и до Торопца. Я решил рискнуть и пристроился с чемоданом на ступеньках товарного поезда. Так и добрался до родного города. Но на похороны сестры я опоздал. Лето было жаркое, и с похоронами решили не затягивать.

Женя тоже почему-то не приехала. Я уже и не помню, по какой причине. Может ей не послали телеграмму, может быть, она не смогла приехать потому, что у неё был маленький ребёнок (в 1954 году Женя вышла замуж и жила с семьёй в Клайпеде), но, тем не менее, так получилось, что на похоронах Шуры никого, кроме Вити, из родственников не было. Даже деда Якова Семёновича Бурмистрова. Он в это время был в Ленинграде, где ему делали операцию.

Похоронили Шуру на кладбище, которое находится при церкви Всех Святых. Раньше здесь были похоронены мама и сестра Тамара, которые погибли в феврале 1942 года при бомбёжке. Но могила их не сохранилась, так как после

освобождения Торопца город еще несколько раз подвергался налётам немецкой авиации, и одна из бомб угодила в могилу, где были похоронены мама и сестра. На месте могилы осталась только воронка. Рядом с этой воронкой и похоронили Шуру.

Я побывал на её могиле, вспомнил всю нашу скитальческую жизнь. Недельку погостил в родном доме и уехал опять на практику. В августе, после окончания практики, я приехал домой. В это же время в отчем доме стала жить Женя с семьёй. Несколько лет прожив в Торопце, они опять вернулись в Клайпеду. Дом на Володарской сестра сдавала квартирантам.

Позже брат Виктор, получив от нас с Женей доверенности, дом продал.

В 1956 году я окончил техникум. В памяти осталась защита дипломной работы. Один из оппонентов, инженер из Москвы по фамилии Агас, оценил мою защиту как самую удачную, отметив, что я очень профессионально и аргументировано разбил многочисленные доводы оппонентов.

Я был направлен на работу в совхоз «Крестилово» Локнянского района Великолукской области. Мне хотелось жить поближе к родным местам, и я просил перевести меня в совхоз «Подгороднее». Но меня в 1957 году перевели в Великие Луки для окончания строительства МТМ (межсовхозной тракторной мастерской), которое и было через год завершено.

Затем я по направлению областного управления работал в Плюсском районе Псковской области в совхозе «Андромер», какое-то время работал исполняющим обязанности начальника планового отдела в районном управлении сельского хозяйства.

В 1959 я году женился. Затем вместе с семьёй переехал в Ленинградскую область в совхоз «Всеволожский». Чтобы получить квартиру, я устроился на работу мастером по строительству. Затем работал в Северо-Западном «Рыбколхозсоюзе» в Ленинграде, сначала ревизором, затем начальником планового отдела, главным экономистом. После ликвидации этого учреждения в 1972 году, устроился главным бухгалтером в рыбколхоз «Балтика».

Сейчас я проживаю в Санкт-Петербурге. У меня трое детей: дочь Инна и сын Олег от первого брака и сын Иван от второго, а также трое внуков

В 1988 году я вышел на пенсию по инвалидности и до 1998 года работал в системе ВОС. С детства у меня было слабое зрение. Слепой была моя бабушка Аграфена. Судя по прищуренным глазам отца на единственной сохранившейся фотографии, он тоже плохо видел. Проблемы со зрением имеются у моих обеих сыновей и внука. Наверное, такая наследственность.

Несколько слов о том, как сложилась жизнь у моих сестер и брата. О трагической смерти Шуры я уже писал.

Женя с семьёй жила в Клайпедде, затем в Калининграде. Она каждый год приезжала в Торопец, ухаживать за дорогими могилами сестры Шуры и деда Якова Семёновича, которого похоронили рядом с Шурой в 1959 году. В воронке от бомбы, разворотившей могилу мамы и сестры Тамары, позже кого-то похоронили.

В 1989 году мы с Женей встретились в Торопце, побывали на кладбище, и я принял от сестры «эстафету» - с этого времени я каждый год приезжаю в родной город, чтобы привести в порядок могилы родных.

В последние годы жизни Женя была больна сахарным диабетом. Умерла она в 2004 году, а через 2 года ушёл из жизни её сын Василий. Дочь Жени Елена с семьёй (у неё двое детей) живёт в Клайпеде.

Брат Виктор после того, как он вышел из детского дома, уехал в Ленинград, где, закончив ФЗО, получил профессию столяра-краснодеревщика. По распределению его направили работать на Камчатку. Оттуда он ушёл в армию. Служба его состояла в охране лаборатории С.П. Королёва, причём охраняли её сплошь детдомовские ребята. После армии Виктор жил в городе Ковдоре Мурманской области, работал столяром и подрабатывал в шахте. Заочно учился в техникуме на экономиста, затем работал в строительном-монтажном управлении. В 2000 году Виктор вышел на пенсию. Сейчас он с семьёй живёт в Кинешме в Ивановской области. У него двое сыновей и трое внуков.

Поисками сведений о своём отце я начал заниматься давно. Когда в 1953 году я приехал в Торопец, я долго ходил по улицам - хотел найти тот дом, возле которого были 3 безымянные могилы, и где был казнён мой отец, найти тех женщин, с которыми мы искали место казни отца. Но всё было безрезультатно.

Сходил я и на железнодорожную станцию, попытался узнать что-нибудь об отце. Там мне ответили, что никаких личных дел у них нет, что депо в годы войны подчинялось Ржеву.

Когда мы с сестрой Женей приезжали в Торопец в 1989 году, я пытался её расспрашивать об отце. Но Женя не хотела говорить на эту тему. Слишком тягостными были эти воспоминания. В этом же году я побывал в железнодорожной школе, где когда-то был интересный музей. Там мне посоветовали обратиться к Нине Павловне Михайловой, которая раньше преподавала в этой школе историю и заведовала школьным музеем. Нина Павловна дала мне много адресов, но ничего нового о своём отце я не нашёл.

Я был в краеведческом музее, архиве, редакции газеты, встречался с журналистом Евгением Фёдоровичем Ивановым. Кое-какие сведения узнал из различных публикаций в газетах и книгах. К сожалению, во все эти статьи вкралась ошибка и везде моего отца величают Иваном Тимофеевичем Львовым, хотя на самом деле он носил отчество Титович. В Книге Памяти неправильно указано и время казни моего отца. Место казни и захоронения также вызывают вопросы.

В 1990 году я через районную газету «Мой край» обратился к торопчанам, с просьбой помочь в поиске сведений об отце. Ничего нового о судьбе своего отца узнать не удалось.

Проходят годы. Из нашей многочисленной семьи в живых остались лишь я и мой младший брат Виктор. Уходят в небытие очевидцы тех грозных лет и событий. А вот память должна остаться. И не только в сердцах родных, но и в сердцах всех благодарных торопчан. Ведь за это наше будущее погиб мой отец Иван Титович Львов.

Михайлова Анна Михайловна

Я родилась в 1917 году. Помню, было мне годов девять, может, десять, когда отец мой купил хутор и семья наша туда переехала. Были у нас кобыленка и коровенка. С этим богатством приехали и стали землю пахать. Попахали сколько-то, семена кончились, денег нету, и стали землю эту сдавать: у кого семян лишки, те берут и пашут. Какой они там урожай собирали, не знаю... Вдруг в Поддубье организовывается коммуна. Сколько-то при ней пожили, потом эта коммуна развалилась. Опять ничего не вышло. Потом решили хутора согнать в колхозы. Собрали бригады, отправили по хуторам. Какие идут в колхоз, какие не идут. Какие не идут, тем крыши сразу спускают; раньше крыши были соломой крытые. Если ты в колхоз не идешь, то крышу тебе сроят – такой закон тогда был. На батьку:

– Ну, дед, пойдешь в колхоз?

– Не, детки, не пойду, не, не...

– Ну, мы щас полезем крышу спускать.

– Не, ребяташки, погодите, дайте мы ночь переночуем, может, передумаем...

Ночь переночевали, передумали – выхода нету. Так пошли в колхоз. У кого две коровы или три – отбирали, на ферму гнали, а у кого одна, тех не трогали. Работать не на чем: лошадемок сколько-то было, их мужикам отдадут, мужики пашут, а женщины землю обрабатывают, чтобы сеять что-нибудь. Работали до поту, но бедность кругом была, и никак было не зажитьяся.

Много работали, и все дарма. Уже перед войной было: не успеешь приехать домой, как снова отправляют на работы. Вели узкоколейку Торопец-Холм, рельсы укладывали, землю возили. Людей была уйма, работали дотемна. Домой никого ночевать не пускали, даже тех, кто жил совсем рядом. И все равно не достроили, не доезжая Пожен закончили. Вдруг встаем утром, слышим, кричат: «Сегодня на работу не вставайте, езжайте домой – война, враг границу перешел!» Люди убрались в считанные минуты, как не было.

Дней пять-шесть я дома побыла, и меня снова отправляют на работу, теперь под Холм. Меня и одного мужчину с Острова. Едем мы с ним, а местность там под Холмом ровная, как небо лежит на земле. Приезжаем на место. Людей – темная туча, вот так посмотришь вокруг, только чуть головы шевелятся, как будто вороны летают. Остановились мы, отдохнули, назавтра начали работать. Делали противотанковые рвы. Ночью ухали дальнобойные орудия: «ух-ух, ух-ух». Как ухнет, будто там котел жару высыпался: так ясно-ясно станет, видно далеко. Лошади не стоят, бьются, не едят ничего на свете...

Домой приехали, немножко погодили, опять вызывают меня в контору. Председателем у нас тогда была поставлена женщина-учительница. И вот приказывают, чтобы я шла получала рожь, и молола, и пекла хлеба. К десяти часам чтобы хлеба были готовы. Принесла я рожь, батька пошел молоть, смололи, затворили караваи. Назавтра мои караваи в торбочку, а нас на телегу. «Ольга Васильевна, куда меня повезут?» «Вот когда приедешь, там тебе скажут, а я сама не знаю».

Привезли нас в Торопец на вокзал. Входят трое военных: «Гражданские, вставайте, стройтесь по два человека». Мы построились, погнали нас. Гонят,

гонят, заморимся, ноги заболят – кричат: «Перекур!» Сядешь, отдохнешь немножко, кричат: «Подъем!» Опять идем. Помню, в двенадцать часов мы вышли и разом с солнцем пришли в Осташков. Нас там встретили, отдохнуть дали в пустых хоромах: где сараи, где гумна какие. За ночь много людей сбежало домой, а какие остались, тех поместили в закрытую зону. Оттуда уже никуда не уйдешь. Мы там работали вместе с военными. Они строили окопы, блиндажи, а мы маскировали их, в дернины наряжали. Два месяца отработали там. Потом приходит начальник:

– Ну, девочки, мы скоро будем отчаливать, давайте и вы с нами, вы такие хорошие, так работаете хорошо...

– Не, мы пойдем домой, мы с вами не поедем.

– А у вас и дома нет, куда вы пойдете?

– Мы с дома пришли, как у нас дома нету?

– У вас там немец хозяйничает, вы туда не попадете...

Что делать? Уже толкуем: оставаться надо. Утром объявляют: «Гражданские, сегодня на работу не выходите. Получайте пайки и пойдете домой». Собрался народ, на, смотрю: с нашей деревни мужчина стоит.

– Здорово!

– Здорово!

– А ты зачем тут?

– Ой, отстань, обобрали последних нас, белобилетников, теперь в деревне и мужчин не осталось...

Дал он мне два кусочка сахара, передать жене и ребятам, кусок мыла завернул в полотенце. И больше он домой не вернулся. И никто не вернулся. С Хотилова сколько брали, с Острова – никто не пришел...

Добрались мы домой, а там немцы наехавши. Кухня поставлена около пруда, уже там еду варят немцы. Мы их не сильно боялись, они нам ничего не делали. Бывало, поедем бороновать, видим, немцы идут. Остановятся около нас, лошадей выпрягут, хомут скинут: «Идите домой, не надо работать». Они уходят, а мы чуточку посидим, пойдем лошадей поймем, опять запрежем, опять работаем. Потом немцы у одного деда с бабой взяли корову. Кур отбирали. У нас было три курицы, мы их под пол прятали. Немцы придут, стоят. А куры там: «Кыр, кыр, кыр...» А они: «Кур, кур...» - и там по-своему... Ищут-ищут, бегают, все не найдут.

В нашем краю много партизан было. Алексеева Александра с Чистого пекла для них хлеб. Была она тогда беременная, живот большой, а еще положит под одежду каравай или два – так и проносила партизанам. В 1942 году она родила сына Васю.

Еще у нас в лесу прятались от войны дезертиры. Придут, у кого улы разломают, у кого что. Вот так безобразничали.

Как немцы ушли, стали мы жить дальше. Вот, помню, гнали скот из Лихославля – возвращали домой. Много овец утопили – переходу нигде нету, мостов нету, пустили вплавать. Овцы, у них шерсти много, стали тонуть. Коровки плыли, лошадь переплыла... Пригнали мы их в Коптево, коровы заморились, легли. Тут налетел самолет, начал бомбить. Как эти коровы перепугались, начали шалыгаться... А одну корову мы продали председателю сельсовета. Нам

есть нечего стало, ну и продали, документ был, будто ее поездом задавило. Сколько там нам заплатили, вот с этим хлебом до дома и добрались.

После войны тоже трудно жили, голодно. Мама, бывало, возьмет ржи, через жерны пропустит, высеет, такую кашу варила на молоке. Да как ели – только держись. А пригласишь кого в гости – угощать нечем. Век не забуду: пришли родственники, мама и посадила их за стол. Что в доме было, все там поставила. А этот Илюшка и говорит: «Ну, нашла ты угощение: сто голов на рубль...» - это что она кильки на стол поставила. Как мы смеялись!

Всю жизнь я проработала в колхозе, в 1973 году пошла на пенсию, но работать продолжала, пока были силы. По дому всегда управлялась сама. Сейчас, конечно, силы не те. Спасибо племяннице, помогает мне, помогают и соседи по деревне. Летом ребята из лагеря меня не забывают: потолок покрасили, печку побелили, делают, что попрошу. 93-й год мне пошел, когда племянница забрала меня на зиму в Торопец, но к лету мы с ней думаем вернуться домой в Чистое.

Николаева Эльвира Владимировна

Я родилась в 1925 году в деревне Василево Западнодвинского района. Семья у нас была большая: отец, мать, восемь детей. Отец мой родом из Латвии, но когда там был голод, они переехали в Россию. Человек он был честный, порядочный, трудолюбивый, но это не спасло его от ареста в 1938 году. Тогда на отца поступил донос, что он использует наемный труд: держит няню для ребенка, которая помогает нам по хозяйству. Отца забрали. Мама написала заявление и собрала подписи колхозников, что отец всегда честно трудился, никому зла не причинял, наоборот, еще в единоличное время помогал людям: предоставлял молотилку, помогал с уборкой зерна. В мае 1939 года отца отпустили.

В школу я ходила в Заборицу, это за восемь километров от нас. 20 июня у нас был выпускной вечер. Лето, ночь короткая, когда шли домой, уже светло-светло было. А назавтра объявили войну. Отец мой на фронт не попал по возрасту, и его назначили председателем колхоза.

28 августа к нам пришли немцы. Перед этим наши военные отступали и нас хотели отселить, но уже не успели, только скот отогнали. Так мы остались в деревне без скота. Немцы пришли, остатки чего было – все забрали: курей, мед. Мой отец сначала жалел пчел разорять, но как мед отдал, пчелы все и пропали, все равно остались мы ни при чем...

С сентября-месяца немцы стали у нас квартировать. В нашем доме был штаб. Сильно не зверствовали, но все отбирали. Потом как-то собрали собрание и объявили, что у нас будут бои, поэтому нас отселяют глубже в тыл: в Торопецкий район, деревню Морожу. Там мы жили шесть недель. В одно время захотелось нам, молодым девчонкам, сходить свою деревню посмотреть. Там у нас были сделаны ямы – у кого с зерном, у кого с чем – чтобы хоть что-то сохранить. Шли разными тропинками, а когда пришли, видим, что все наши ямы раскатаны, раскиданы. Задержали нас немцы, взяли в штаб, говорят: «Мы вас расстреляем, вы партизаны». Мы говорим: «Мы жители этой деревни». Они: «А кто может подтвердить?» Спаслись мы только благодаря одному солдату, который служил на кухне. Он нас знал, потому что часто собирал картошку чистить. Немец подтвердил, что мы не партизаны, нас отпустили, выдали пропуск и сказали, чтобы мы шли не тропинками, а дорогой. Так и пришли назад в Морожу.

Не было у нас ни радио, ни газет, но вскоре появились слухи, что немцы перешли Западную Двину. Мы вернулись в свою деревню. А с чего начинать жить? У нас, кроме стен, в доме ничего не осталось. Огороды наши были все выкопаны. Колхозная картошка тоже выкопана, лишь кое-где кустики оставались. Вот мы ходили, перекапывали; что могли, то собрали к зиме. Прошло совсем немного времени, дней через пять поехал мой отец в Морожу, там оставался дедушка, у него нога болела. Приехав назад, отец рассказал, что жителей соседних сел Селяне и Семеновское немцы согнали в дом и сожгли.

В Лысачах – это тридцать километров от нас – стоял карательный отряд. Каратели расстреляли деревни Заовражье, Печехино, Сатино, Заборицу, Лаврово, потом собрались в Ново-Ивановское. В эту деревню можно было

добраться дорогой и тропинкой. Тропинкой ближе. И вот один из немцев поехал по этой тропинке, приехал в Ново-Ивановское и говорит: «Мужчины, прячьтесь: вас расстреляют». Мужчины спрятались. Тогда немцы собрали женщин и ребят десяти-двенадцати лет. Женщин потом отпустили, а мальчиков расстреляли...

Нашу деревню собрали как-то на скотный двор и объявили: женщины отдельно, мужчины отдельно. Говорят: «Мы ваших мужчин расстреляем, так как вы содержите партизан». А мужчины – это ребята, кому еще рано в армию, и старики. Погнали их за колхозные дворы и начали расстреливать. Услышав выстрелы, мы все испугались, побежали, но не в дома, а в лес. Там у нас еще до прихода немцев были выкопаны окопы. Так всей деревней 13 дворов мы оказались в лесу. Только дедушка наш не пошел, у него нога болела, он остался дома. А мы в лесу, в окопе сидим – холодно, сыро, снизу вода стоит, сверху дождь идет... Куда ни глянь, со всех сторон пожар виден, деревни горят... Переночевали, а под утро пошли домой, смотреть, где наши родители. Пришли мы на место расстрела, видим, лежат убитые, а одного мужчины нет: забирали одиннадцать, а здесь десять... Как потом оказалось, он спасся, притворившись мертвым, а был только ранен. Всех, кто после первых выстрелов шевелился, немцы добивали. В трех семьях отец и сын были расстреляны. Стреляли по ним разрывными пулями: где нога, где рука, где что. Отец мой весь разорванный...

Женщины выкопали могилу, постлали соломки, и на одеялах стали носить убитых. Гробов не было, накрывали простынями, материалом. Только стали закапывать, смотрим, из леса группа народа идет. А мы уже все напуганные, бросились врассыпную. Первое, что в голову пришло: наверное, немцы идут, будут нас расстреливать, что мы без разрешения хороним. Но оказалось, что это были наши, из соседней деревни Прошково. Там немцы тоже всех мужчин расстреляли, деревню сожгли, а женщины с детьми, кто в чем был, пришли к нам. Так две деревни вместе стали кое-как расселяться.

Пожили мы какое-то время, нас пока не трогали, только приезжал староста с двумя немцами, собирали шубы, валенки, хлеб. Что спросят, что сами заберут... Где-то в декабре немцы отпустили с торопецкого концлагеря мужчину, больного тифом. Был он то ли с Гальянова, то ли с Грядцев, везли его через много деревень, останавливались, меняли лошадей. И во всех деревнях, через которые провезли этого больного, люди потом заболели тифом. Ни врачей, ни лекарств... Сначала одна семья заболела, соседи пошли проведывать – тоже заболели. Заболела соседка наша, мама мне говорит: «Сходи ты воды ей поноси, ведь она с двумя старенькими бабушками живет...» Я боялась тифа, принесу ведра, поставлю и бегом... И я первая заболела, а за мной вся семья, без сознания были. Последняя заболела мама, и в апреле-месяце она умерла.

Нас осталось без матери пять человек: старшей Ольге было двадцать, мне семнадцать, брату Алексею одиннадцать, Лиде восемь лет, самой маленькой девочке четыре годика... Ни хлеба, ни картошки, ни скота никакого. Хотела я идти собираться по миру, но мать перед смертью не пустила, сказала: «Не надо, ты уже взрослая девочка...» Так и жили, картошку перекапывали, гнилую ели, блины всякие пекли. Кабы корова была, то хоть бы с молочком, а то просто так.

Добрые люди помогли. Самая старшая наша сестра жила с семьей в Лысачах. После похорон Ольга пошла ее провожать. Тут все нас пожалели, говорят: «Есть там у вас лошаденка? Приезжай, Оль, мы тебе дадим картошки». Вот она взяла лошадь, поехала, и все – кто по ведру, кто по два ведра – на семена нам картошки дали. Ольга привезла пять мешков, картошку посадили.

Вдруг мобилизация: всех с 1925-го года рождения – в военкомат. Зашла я на могилку к маме, попрощалась. В военкомате нас осмотрели. Тех, которые недавно тифом болели, не брали. Я болела в декабре, и меня взяли. Нас из деревни трех девочек взяли. Ольга к тому времени стала председателем колхоза – больше некому было, а она грамотная, четыре класса закончила. Вот ей предписание дали отправить нас в Торопец. Оттуда нас в грузовых вагонах везли недели две – помню Санково, Рыбинск, Уральские горы. Долго везли: где стоим, военные эшелоны пропускаем, где покормят, а когда и не покормят... Женщины на станциях приносили к поезду что-то продавать, там же войны не было. Часто голодные мальчишки выхватывали у них из рук приготовленную на продажу еду. Слух об этом прошел, и носить к поезду перестали.

В Перми часть народу оставили – 1927-28 года рождения – а нас, 25-й год, отправили дальше. Мне повезло: со мной был весь наш класс, как мы заканчивали школу. Сначала нас привезли в Сталинск, сейчас, это, наверное, Новокузнецк. Там три месяца поучили: кого на шофера, кого на токаря. В декабре-месяце приехали за нами из Новосибирска, там был эвакуированный из Ленинграда завод. Еще не все было смонтировано, установлено, и мы с неделю сидели в общежитии. Первый этаж занимали семьи ленинградцев – специалисты, рабочие. Нам наверху стены обшили, утеплили, печки поставили. Жило человек по 25 в одной комнате. Стали нас кое-чем снабжать: то картошки мороженой привезут, то капусты. Потом карточку дали рабочую и талончики на еду дополнительные.

Как-то я пришла за талончиком, расписалась, и начальник цеха – он с семьей был из Волгограда, пожилой уже мужчина – говорит: «Приходи ко мне в цех, табельщицей». Я ж не работала там, говорю: «А что там делать? Может, не справлюсь». «Справишься». Вот, говорит, на проходной у каждого рабочего бирочка, а кто в цехе не пришел на работу, значит там нет бирочки, или не взял бирочку, и ты должна писать и подавать заявление. Таких сразу судили. Так я у него отработала, потом еще в инструментальном цехе – там трудились самые высшие специалисты – я принимала у них работу, и наряды писала, и зарплату начисляла. Потом меня стали звать в контору, в заводоуправление. Так я перешла туда.

В 46-ом мне дали отпуск, и я поехала домой. Мне зарплату отдали и выписали с конторы помощь, триста рублей. Сюда приехала – ничего нет, сестра старшая уехала хлеб зарабатывать в Литву или в Латвию, в тот край. Она уже не была председателем, им стал один мужчина, что пришел с войны. И вот я осталась с ребятами дома. На работу ходила, таскали плуг, соху. К возвращению сестры уже запахано было все и картошка посажена. Картошку сами не ели – на еду шла гнилая, а с хорошей отрезали макушечки и сажали. Так и жили. Потом братья с армии вернулись, оба. Иван пришел раненый, он офицером был, после

десяти классов его сразу в училище взяли. А брат Александр служил срочную, когда началась война; он пришел в 46-ом, в конце года.

С Новосибирска-то я приехала, а обратно мне ехать не на чем, и я осталась дома. Паспорт у меня был, но я там, в Новосибирске, не выписалась, и притом еще приказа такого не вышло, что можно уйти с завода. Кто уходил, тех судили. Лично с нашего цеха дяденька, он был шорником, ушел куда-то в столовую, дрова колоть. Он старенький был и больной, вот кто-то позвал в столовую, он и ушел. И его приехали судить, и дали семь лет за то, что ушел с завода. А и я уехала в отпуск не уволенная. Когда уезжала, там парень был, главный бухгалтер, говорил: «Если ты не приедешь, мы тебя с милицией привезем». Я боялась и паспорт свой никому не показывала. Председатель колхоза с моим братом, он был счетоводом, дали справку, что меня отпустили с колхоза. Устроилась я в Западной Двине в управление сельского хозяйства плановиком, день или два отработала, и надо мне идти получать паспорт. Только пришла, смотрю, всем паспорта дали, а мне не дают. Спросили фамилию, попросили посидеть, подождать. Вызвали милиционера, тот сразу: «Вы с ФЗО сбежали?» Я говорю: «Нет, я в отпуск приехала, меня уволили». «Нет, вот на вас розыск». И меня в камеру; там больше тех было, кто воровал, кто за растрату. Назавтра я не пришла на работу. Другие пришли, видят: как моя сумка с перчатками осталась, так и лежит. Начальник звонит в милицию: «Где такая-то такая? Пошла паспорт получать, и нет. Где она?» В милиции сказали: «Она сбежала с ФЗО, и ее будут судить». Спасибо начальнику управления сельского хозяйства, он был знаком с прокурором. Звонит он прокурору, что так и так... А прокурор уж, наверное, знал, что скоро будет амнистия таким, как я. Что они там поговорили, не знаю, слышу: «Приведите такую-то такую ко мне». И мне милиционер: «Уходите». Я вышла. Он : «Мне приказали вас отвести в прокуратуру». Ведут по Западной, стыдно... Я стараюсь с ним идти рядом... Но все равно увидели уже и моим дома сказали, что меня забрали. Прихожу я к прокурору, стал он допрашивать: как, что, почему уехала. Все рассказала ему, говорю, домой приехала, родителей нет, сестра поехала деньги зарабатывать, голодные мы были, я и осталась с детьми дома. И говорю, притом – это я соврала – мне прислала письмо подруга с Новосибирска, что меня уволили. Прокурор тогда сказал мне принести справку, что я была с детьми, и письмо от подруги. Потом сказал милиционеру: «Принеси ее все документы сюда». А мне говорит: «Идите в милицию». Ну пришла я. Следователь посмотрел: «Вот мы ловим, а прокурор отпускает». Взял с меня расписку, что я никуда не уеду. А я взяла в сельсовете справку, письмо мы с одной девочкой написали, но к прокурору я его не понесла. Пришла на работу, там у нас секретарь, я ей отдала: «Аня, снеси прокурору, боюсь идти, что меня опять там возьмут...» Она пошла, отнесла. Я потом спрашиваю: «Что он сказал?» «Да ничего, положил». И вот можете представить – не знаю, может быть, я такая трусиха, или как, - я наверное с год при виде милиционера была сама не своя, пока не вышел приказ отпустить таких, как я.

Еще был вот такой случай. Когда отца расстреляли, пропало у него с руки кольцо. В душе как-то думаю: ну где ж это кольцо? И вдруг через какое-то время после этого мне сон приснился. Вроде приходит папка и говорит: «Ой,

дайте мне поесть, я так есть хочу...» Я стала собирать на стол. Как сейчас помню: он так сидел ел, и я так сидела. И говорю: «Пап, а где твое кольцо венчальное?» А он и говорит: «Доченька, вот в шкафу на третьей полке под бельем лежит кольцо мое». И тут сразу заходят все те, которых расстреляли. А у нас дом был большой, отец до войны был счетоводом, и была как контора там, и собрания какие – все собирались у нас. И вот зашли все и с ними еще один мужчина наш, была прислана бумажка, что он пропал без вести. Колька его звали. И этот Колька говорит: «Ну, Володь, пойдем, пора нам...» И папка собрался, пошли. Я вышла их провожать на улицу, и ветер как дунул – никого нигде не осталось... Утром просыпаюсь, вспомнила этот сон, дай, думаю, пойду посмотрю. Пошла посмотрела, и правда: под бельем лежало папино кольцо.

После войны я вышла замуж в Кунью, родила двоих детей, сына и дочь. Работала в колхозе, заведующей фермой, потом в бухгалтерии. Когда переехали в Торопец, работала бухгалтером в КБО, в 1980 году пошла на пенсию. Дети разъехались: кто в Торжок, кто в Вологду. Там у меня четыре внука, семь правнуков. А я живу одна, жду их в гости.

Нилова Ксения Никитична

Родилась я в 1922 году 24 октября в деревне Заселица, крещеная в Невроже. Сейчас этих деревень уже нет, а тогда относились мы к Воскресенской волости. Мой папка в 1914 году попал в плен к немцам. Шесть лет мама жила вдовой. В 20-м году папка вернулся домой, и мы пошли: брат с 21-го года, я с 22-го, сестра с 25-го, младшенький с 28-го. В школу нас не отправляли. То ребятки подрастали маленькие, то надо в поле гнаться, то картошку копать – не до учебы. У меня и три класса не кончено, а сколько у брата – не знаю, так же, наверное. Сестра, которая с 25-го года, кончила семь классов, уже тут мы подтянулись. Так и росли. Единоличную полосу помню, мама жала, и я с ней была. И уже мне был серп даден, вот обрезала палец – и сейчас еще шрам виден. Я тогда не столько нажала, сколько убытку наделала. Гумно свое помню, как с братом ходили помогать папке рожь молотить. Потом стали колхозы устанавливать, там всяко бывало. Кто не хотел в колхоз, тем крыши скидывали. В одной деревне, километров, может, за пять от нашей, мужику крышу скинули, а он как стоял около жерен, молот, так на жерны сунулся и помер, родимый. Но нам крышу не скидывали, ничто, как мы жили, так и жили. Постепенно пошли в колхоз сами, работали, как все. Мы, ребяташки, вырастали, и было нам весело. И голодно уже не было – не скажу, что хорошее было, но и плохого не было.

Перед самой войной отправили нас вести узкоколейку Торопец-Холм. Мы там проработали два дня. Потом – война... Дорогу мы не доделали, бросили эту дорогу. Послали нас на окопы. Мы резали с пожни дерны, потом их на носилки носили – окрывали дзот. Потом нас отпустили, и мы пришли домой. Немного дома побыли, посылают под Холм. Копали мы дзот, траншею такую. Там были и мужчины-инвалиды, на войну не взятые, и подросточки, много народу разного. Как жили? Натянуты палатки, чугуночки такие наставлены, нары, доски. Какие-то одеялишки были нам кинуты, и своя пальтушка наверх. Сколько мы там побыли, не помню, ближе к осени вернулись домой.

У нас немцы были. Приехали они к нам, помню, с обеда, мы на гумне молотили рожь. Приехали – деревню всю заслонили. Тут они уже полные хозяева, что хотели, то и делали. А как раз мой папа с братом были в поле, была наша очередь, и вот кто постарше побежали туда в поле предупредить, чтобы они скот домой не гнали, а то немцы чего понаделают. Так наш скот ночевал в лесу, и папка с братом в лесу ночевали.

Помню, как немцы хозяйничали у нас дома. Мама, я, сестра, младший брат Витька около мамы – вот так мы на кровати сидели, такой вот кучечкой. А они тут и ели, и печку топили, что они только ни делали. Но к нам они не приставали, сначала обедали-обедали, потом спали в коридоре и на чердаке. И на утро категорически никого. Поехали к городу.

Нашу деревню Бог сберег, потерь у нас никаких, жертв у нас никаких. Приходили к нам партизаны. Ночью это было, они в окна так «тук-тук», ко всем – по два, по три человек, погреться пришли. В таких полушубочках, подпоясавшись, сбоку так у них толкушечки. Толкушечки – ну это гранаты. Партизаны и говорят: «Что можете дать, то дайте нам». Кто испотки, кто носки,

кто какой полушубочек давали. Вот они погрелись, поели, и говорят: «Через три дня ждите русских солдат». Ну и правда, сколько там прошло, и наши пришли. Стали они к нам стучаться, расселяться по домам. Помню, один говорит папе: «У меня тоже три девочки вот таких, а увижу я их или нет...» Думаю, что он заплакал. Потом вытянул шапку с сумки: «На, дедушка, тебе шапку, она мне, верно, не надо будет...» Они до утра у нас были. Один, пожилой уже мужчина, спать лег, и ноги в печурку, а утром встал и говорит: «Как я сегодня спал хорошо – как Сталин! Как мне ногам было тепло...»

В Поддубье наши партизаны разбили колонну машин. Одного партизана молодого убили, он похоронен в Чистом. Там поставлен большой памятник, звездочка, и могилу убирают. Чистенько убрано: веночки, цветочки. Раньше убирала Чистовская школа, а когда в Чистом не стало школы, теперь убирает Пожинская.

После ухода немцев послали меня под Великие Луки, на оборонительные работы. Каждый день шли мы на работу мимо церкви, около нее бои, видно, были, лежали солдаты, обгорелые, как головешки. Чьи солдаты, наши ль, немцы ль – не разобрать, обгорелые...

Погнали нас как-то за реку: там – немцы, тут – мы, рядом совсем, даже их разговор слышен. Начальник нам говорит: «Не высывайтесь...» Вдруг летит самолет немецкий, сыплет листовками, все устлал. Кто эти листовки хватает, кто нет. Начальник кричит: «Не троньте!» Через какое-то время снова летит самолет. Нам приказ: «В траншею!» Как чесанул он по нам, пули только мельк, мельк... Хорошо, мы в траншее, а один мужик – инвалид или белобилетник, тоже с нами был на оборонных работах – он не успел туда вскочить, ему всю голову накрест прострочило. Мы вжались в землю, нас никого не ранило.

Потом начальник нас повел показать, где Матросов лег на амбразуру. Там был дзот, уже весь разбитый, и он показал нам на шагах – три шага, два шага, последний шаг – и лег... Вот, говорит, когда Матросов лег, наши успели этот дзот разбить. Постояли мы там, начальник с нами постоял: «Ну все, вот я вам показал, где человек решил свою жизнь, спасая Россию...» Помню, вот так он и сказал, потом повел нас обратно.

Побыли мы там под Луками, а дальше нас не погнали, отправили домой. Была я еще отправлена в Пено на лесопильный завод. Опять нас там было много, со всего района. Помню, работали на Рождество. У меня покрыт платок теплый, а пальтушка долой скинута – жарко. Работа была на винту: вот успеи дерева поддеть, шесть-семь досок скинуть – а они длинные какие – и опять скорей этот винт подогнать, а то он в разбивку оттудова идет. Если не видывал, то и не представишь. Начальница видит, что нельзя больше так держать человека – простынет. Тогда она меня на другую работу поставила, дала тетрадку, карандаш, разграфила: «Вот, мерь дерева, сколько они там сантиметров – шестнадцать, семнадцать, двадцать – и по этим клеточкам пиши». Вот тут-то я и стала замерзать. Хоть и куфайка была, и платок теплый, а вот что на ногах было, не знаю, не помню... Потом начальница мне и говорит: «Ты не уходи домой, - (а тогда уже многие начали сбегать) - вот тут поработаешь, а потом я тебя поставлю на пилораму, научишься и будешь работать. Работай, - говорит, - у нас». Я говорю: «Ну ладно, я буду работать, только пусти меня съездить

домой, я хоть картошинок привезу, еще чего-нибудь, а то ведь голодно». Она меня и пустила. Ну и прощай, я не поехала туда больше.

В 44-м году у нас умер папа. Сами мыли, сами гроб делали – как могли. В селе тогда были одни женщины. У кого пятерка ребят, у кого тройка, у кого один ребенок – все нищие, голодные. Все делали, как могли, как соображали...

Нигде не было сладко. Голод ужасный. Сорок пятый, сорок шестой, сорок седьмой годы – какой был ужасный голод! Мы всю траву съели. Бывало, мама пойдет на колхозное поле, там картошка померзшая, ее никто не копал, неубранная осталась. Накопает этих мякушек, помоеет, кинет пясточку зеренок, какие там были... И крапиву ели. Помню, напекла нам мама лепешек с крапивой, они вкусные, рыхлые. Мы поели, а потом как зажгло! «Не, мам, больше ты нам не делай с крапивой...» По полям ходили, какой-то калган – листы такие широкие собирали. А уже кисличины не найдешь... Но – у нас была корова! Коровы мы за войну не лишились. В нашей деревне вообще ни у кого корова не пропала. Корова была, и этим молочишком она нас выпоила. Хоть гольем мы его выпьем, но все же молочинка.

Брата моего старшего забрали в армию еще перед войной, год он отслужил, а на второй – война, так всю ее и прошел. Он был разведчик, служил на Дальнем Востоке. На, вдруг от Петьки письмо с Москвы! Ой, куда ж это их везут, куда ж везут?.. А их под Ленинград, в разведку. Потом рассказывал, какие там были страшные бои. Ему один палец наотрез оторвало, другой перебило, потом уже в госпитале отрезали. А пока он лежал в госпитале в Ленинграде, началась блокада. И всю блокаду брат в Ленинграде прожил. Говорил: и вздумать нельзя, что там было! Все голодные, каждое утро два, три, пять мертвецов... Так жили, пока не освободили Ленинград. Брат тогда на фронт не попал. Но потом он еще служил, где-то в Польше был. С Польши он нам посылки слал, одежду всякую, парашюты. Парашюты свалятся, а они их подбирали. Там шелк: плотной шелк и требушастый, как назывался. Он нам две посылки таких прислал, мы тут платьевшили себе... Потом им посылки посылать запретили.

Муж мой на фронте был. Двадцать пять лет ему было, когда ушел на войну. Мы с ним с одной деревни, до войны встречались. Он уже был настоящий парень, а я еще молоденькая-молоденькая, мои все были против, потому что он сильно взрослый. В общем, мы попрощались, сказали: ждем один одного... И он пришел, и я жива осталась. Где-где только не была – а жива! Война кончилась в мае, а жених мой пришел к октябрьской. И мы сразу поженились. У меня родилась первая девочка, она умерла в пять лет, ангина ее задушила. И сейчас плачу, не забываю... Потом родился мальчик Валера и еще девочка. Очень уж я хотела девочку, хоть Тасю, мою первую, и не вернешь. Она в Чистом похоронена. Когда муж стал плошать, я ему и говорю: хошь ты, мы тебя похороним к Маньке, к сестре, – она тут в Торопце на Восстаньи лежит – но, говорю, меня сюда не положат, меня похоронят только в Чистом, где Тася. Я – только в Чистое, иначе никуда. Он подумал и говорит: «Ну ладно...» В 99-м году его не стало. Свезли его в Чистое, и мне место в Чистом, так я детям наказала.

Там, в Чистом церковь сейчас разрушена, а раньше она работала. До войны одного чистовского попа с церкви взяли и на работу отправили в лес, в дровы

ходить. В нашей деревне у него была одна знакомая божественная семья, с их сыновьями он в лес и ходил. Помню, такой массивный, уже побритый, придет с лесу, сядет на лавку, руки на коленях сложит, сидит вот так... А вместо него дали какого-то софийского попа. Может, это фамилия такая была – Софийский? Сказать не могу, помню только, что все его так звали. При нем еще церква наша работала. А потом – все... Церкву закрыли, начали разбирать кирпич, хотели что-то строить. Но разобрать ее так и не смогли, она крепкая очень. Алтарь разломали, а дальше не стали трогать. Долго еще был купол и крест стоял, а потом крест сам свалился. Помню, мама говорила, у нас в церкви была золотая риза, занавес такой, как в алтарь идти. Риза эта пропала, и иконы тоже все пропали, ни одна нигде не объявилась. И вот хоть все уничтожили, но моя мама была верующей всегда, и я в бога верую. Нет дня, чтоб я не попросила прощения у пресвятой Богородицы. Вот куда-нибудь иду: «Господи, помоги мне. Ангел мой, я за тобой, ангел мой, я за тобой, ангел мой, за тобой...» И за дверь. И нигде мне плохо нету. Вот душой тебе говорю...

Новиков Леонид Михайлович

Когда началась война, мне было восемь лет. Жили мы в то время на станции Брылёво Каменского района Калининской области, недалеко от Кувшинова. До войны мой отец работал в лесоучастке, в котором рабочие занимались заготовкой древесины для Кувшиновской бумажной фабрики. Всю заготовленную древесину на лошадях вывозили к железнодорожной линии, где рабочие погружали ее в вагоны. В посёлке было несколько больших конюшен, отец мой был главным конюхом. В обязанность его входило заниматься уходом за лошадьми и следить за их здоровьем.

К тому времени, когда отец был призван в армию, лесоучасток расформировали и всех лошадей забрали на фронт. Оставили только двух лошадей, одна из которых была выбракована из-за болезни, а почему не взяли вторую – не знаю, хотя она была очень здоровая. Уезжая в армию, отец поручил матери ухаживать за лошадьми до его скорого возвращения. Он сам и многие другие люди считали, что война кончится быстро, и никто не предполагал, что народу предстоит вынести огромные страдания. Ни моя мать, ни две моих старших сестры не имели никакого опыта по уходу за лошадьми. Эту работу мать поручила мне, сказав: «Сынок, ты хотя и маленький, но мужчина. Помогай мне. Паси их днем, а ночью будем загонять в конюшню».

Хотя лошадей было всего две, но одна из них была настолько своенравна, что я нередко подвергался смертельной опасности. Эта лошадь носила кличку Цыганка, потому что её купили для лесоучастка у цыган. Она сильно лягалась, и несколько раз едва не ударила меня задними ногами. Я стал думать, как защититься от удара, и вскоре придумал. Вместо короткого прута я стал пользоваться длинным, чтобы не подходить к ней близко. На этом моя беда не закончилась. Когда я пытался Цыганку поворотить назад, она быстро бежала на меня. Но и против этого мною был придуман способ. Я стал наливать в бутылку воду, и когда лошадь устремлялась на меня, я поливал ее водой, и она покорно поворачивалась в ту сторону, куда мне было нужно.

Однажды, несмотря на все мои усилия, я не смог удержать Цыганку, за которой следом шла больная лошадка. Они убежали туда, где их невозможно было отыскать: это место называлось Гарь – огромный участок когда-то выгоревшего леса. Мама не стала меня ругать, она надеялась, что к ночи лошади вернутся домой. Но они не вернулись, и мы вместе с сестрами Женей и Валей пошли их искать по железной дороге в сторону Гари. Надежды найти лошадей почти не было, но мы все продолжали идти и отошли от дома километров на десять. Такой длинный путь был проделан нами не зря: наконец мы увидели своих лошадей. Но когда старшая сестра приблизилась к Цыганке, лошадь побежала вдоль железнодорожного полотна. На наше счастье там проходил молодой парень. Лошадь бежала прямо на него, но он не сошел с места, и чуть отклонившись от нее, пропустив немного, схватил Цыганку за уздечку. Мы были удивлены его храбрости и ловкости.

Спустя какое-то время через поселок проходила воинская часть, и строптивую Цыганку у нас взяли. А вторую лошадку забрал себе бывший завхоз лесоучастка. Так мы освободились от непосильного бремени. Но завхозу

не пришлось долго пользоваться взятой им лошастью. Ночью она ушла от нового хозяина и пошла лесом на старое место. Когда она подходила к поселку, часовой услышал шаги и, не видя в темноте, кто идет и не отвечает на крик: «Стой!» - выстрелил и убил доброго конька.

Вскоре началась учеба в школе, но потом ее закрыли, потому что приближался фронт. Жить становилось все труднее. Перестали продавать хлеб, не было ни соли, ни спичек, станцию часто бомбили. Нам пришлось несколько раз менять свое жилье, потому что упавшие вблизи домов бомбы разрушали их. Запомнился один случай, когда рядом с нашим домом было сброшено семь небольших осколочных бомб. Мы лежали, плотно прижавшись к полу, и не надеялись на спасение. Живы остались, но жилье пришлось сменить, потому что снесло крышу и покосились стены.

На следующий год фронт далеко отступил. Возобновились занятия в школе. На занятия мы ходили в ветхой одежде. Чтобы удалить ощущение голода, как подсолнечные семечки, лущили овес. Рады были, когда кто-нибудь из деревенских ребят приносил в школу жмых или что-нибудь еще съестное. Бывали случаи, когда за неимением дров классы не отапливались, и приходилось своим дыханием отогревать чернила. Но, несмотря на голод и холод, мы никогда не пропускали уроков.

Запомнился случай, когда кто-то пустил слух, что всем, кто придет на новогоднюю елку, дадут по ватрушке. Мы, все поселковые ребята, шли по непроторенной тропе через лес в деревню Брылево. Расстояние от станции до деревни напрямую было не менее четырех километров. Оказалось, что никто не собирался кормить нас ватрушками, была просто елка, украшенная вместо игрушек ватой.

В 1943 году мать решила переехать с нами в г.Торопец, потому что здесь жил ее брат. Но помощи от него мы почти никакой не получили, да он и не мог улучшить нам жизнь, потому что всем тогда жилось несладко. Навсегда запомнилось, как часами стояли в магазине для того, чтобы получить хлебный паек по 300гр. на человека.

Очень трудно было жить и после окончания войны. Давали по одному килограмму на руки коммерческого хлеба, который стоил десять рублей. Очередь за ним занимали с вечера и дрогли на холоде до открытия магазина.

Вот такое у нас было военное и послевоенное детство.

Суворов Виктор Семенович

Родился я 14 марта 1920 года в деревне Козья Горка Бельковского сельского совета Торопецкого района в семье крестьянина-середняка. У родителей нас было двое – я и старший брат Анатолий. В 1922 году умерла мать, а через какое-то время отец привел мачеху соседку. Она меня стала обижать, порой и била. Старший брат этого *не залюбил* и сказал отцу, что он ее выгонит. Так и сделал, остались мы втроем.

В 1930-ом году брат оженился и записался в колхоз. От нас он ушел, остались мы вдвоем с отцом. В 1934-ом году отец тоже записался в колхоз. Я к тому времени окончил 5 классов, и меня сразу поставили собирать молоко с населения и возить на сырзавод в деревню Шапкино. Помню, когда возвращался домой, то отовсюду слышались песни: девушки и женщины пели на работе, жить было весело, и мне это нравилось. Вскоре я бросил возить молоко и пошел трудиться вместе со всеми на самых разных работах.

В начале 1939 года я познакомился с девушкой Евгенией Васильевной из деревни Соболи, она была знатная плясунья, многим нравилась. Мы с ней дружили больше года. Когда решили пожениться, то мой отец был против, не принято это было – жениться до армии. Но старший брат меня поддержал и в сваты со мной поехал, а отец ехать отказался. 1-го мая 1940 года был праздник Пасха, тогда свадьбу и сыграли.

Прожили мы с женой вместе до 27 октября 1940 года, когда меня взяли в армию. Попал я в Белоруссию на станцию Черемха, там стоял 222 стрелковый полк. Меня зачислили в 3-й батальон в минометную роту, где я прослужил до 6 января 1941 года, потом наш батальон перевели в Брестскую крепость, в 333 стрелковый полк. Служить там мне нравилось.

В начале июня весь личный состав обрили наголо. А 20 июня наш минометный расчет во главе с сержантом отправили в полковой наряд. Я попал на кухню, чистил картошку. 21-го вечером мы вернулись из наряда, в роте никого не было: весь полк был отправлен за 30 километров на артиллерийский полигон на учения. На вечерней поверке старшина объявляет: «У нас начальства нету, мы сами хозяева – завтра спим до 7 часов, потом позавтракаем и будем отдыхать. Сейчас отбой...»

22 июня я проснулся от грохота и подумал, что это гроза. Натянул одеяло на голову и лежу, но вдруг я почувствовал запах дыма. Соскочил с койки, и все вскочили, видим, в окнах нет стекол. Тут мы с ребятами по быстрому оделись и спустились на первый этаж. Все кругом горело, дым стоял сплошной. Через какое-то время бомбежка стала стихать. Мы бросились к воротам, чтобы уйти в город, но нас обстреляли. Единственный выход из крепости был отрезан, мы повернули назад.

Три дня держали оборону. Из командования у нас был один лейтенант, дежурный по части. 25 июня он объявил: «Ребята, надо как-то пробираться к своим...» Потом скомандовал: «За мной!» Выход оставался один – только через канал, который окружал крепость. Мы бросились в воду, немцы сразу открыли огонь, и сержанта ранило в ногу. Он попросил меня перевязать ему рану, стал я перевязывать. Вдруг все стихло, и я услышал сзади лай: «Ав, ав...» Оглянулся,

вижу, около нас стоят два здоровенных фашиста с автоматами, показывают: вставай! Я поднялся, один из немцев вывернул мне все карманы. Потом подошли две большие резиновые лодки, и нас перевезли на их сторону. Так мы, четверо человек, попали в плен.

Потом всех пленных погнали на запад; прошли с километр, смотрим, много наших солдат сидят, наверное, больше ста человек. Мы подошли к ним, спрашиваем: «Вы, ребята, откуда? Где наши?» Они отвечают: «Нам наших не видать, а попали мы в плен под Минском...» Рассказали они, что фашисты наступали с танками, машинами, мотоциклами, а у нас стрелять нечем, с танков сняты моторы на перечистку... Потом нас всех подняли и погнали дальше.

Шли мы долго и вот пришли в лагерь – огромный, огороженный в два ряда колючей проволокой. По периметру 4 вышки, на вышках немцы с автоматами, и кругом немцы ходят. Пробыли мы в этом лагере до заморозков – все под открытым небом, на голой земле. Кормили плохо: два раза в день баланда и 300 г. хлеба пополам с опилками. Появились вши, они даже по земле ползали. Наша братва начала помирать, каждое утро увозили мертвых. Я пробыл в этом лагере до начала холодов, когда стали оттуда людей увозить: сначала тех, что поздоровей, а потом и нас, доходяг. Я к тому времени весил 28 кг. и меня отправили в лазарет.

Лагерь, куда нас перевели, располагался в местечке Бяла-Подляска. Условия в нем были не такие страшные как прежде. Нас поселили в двухэтажном здании, правда, спали мы тоже на полу. В лагере была баня, две паровых машины пропаривали нашу одежду – так мы помаленьку избавлялись от вшей.

В Бяла-Подляске я пробыл до весны 1944 года, тогда пришел немецкий переводчик и приказал всем выйти на улицу. Выстроил нас в два ряда, отсчитал тридцать человек – в эту тридцатку и я попал – и скомандовал идти к воротам. Посадили всех в машину и повезли к складу, а там заставили переодеться в новое советское обмундирование: гимнастерка, диагональные брюки, сапоги. Потом снова в машину, и под конвоем доставили к помещику в местечко Герден на берегу Вислы. Там тоже была охрана, проволока. Две недели нас никуда не выпускали, начали хорошо кормить, хлеб давали чистый, без опилок. Потом стали под конвоем отправлять на работу. У помещика была большая плантация огурцов и капусты, фабрика по их переработке. Как-то он приехал сам и показал, что, мол, вы огурцы кушайте, только не топчите ногами. Здесь, в Гердене, мы уже не голодали и понемногу приходили в себя.

Так мы дожили до весны 1945 года, и вот в апреле в небе появились два наших красноносых «ястребка». Как мы радовались! Кричали, махали руками, обнимались. И ясно поняли: скоро победа! Не спали всю ночь. А на следующий день нас под конвоем согнали на вокзал, посадили в вагон и отвезли в лагерь Штутгоф. Там нас освободили наши войска.

Довелось пройти и через особый отдел. Капитан все расспросил, записал мой адрес, где служил, как попал в плен. Еще спросил: «Женат?» Я кивнул. «А дети есть?» Я сказал, что не знаю: когда уходил в армию – не было... «Нет ли желания еще послужить?» Я сказал: «Разрешите, так с радостью...»

Вымыли нас в полевой бане, переодели и отправили в воинскую часть 350-го стрелкового полка. Старшина всех построил и дал каждому по тетради и по

карандашу: «Пишите домой...» Я сразу жене письмо послал, и стали мы переписываться. Она была очень рада узнать, что я жив, и я узнал, что она меня ожидает.

В августе наша часть переехала в Казань, там я прослужил еще год, и в конце июля 1946 года вернулся домой. До своей деревни добрался пешком, поздней ночью. Жена меня ждала шесть лет, и когда мы встретились, было очень много радости. Потом уже я узнал, как непросто ей приходилось все эти годы: мой отец хотел, чтобы жена вернулась к матери, но брат настоял, чтобы она жила у нас. Пришлось уйти отцу, а она осталась и дождалась моего возвращения.

Стали жить, ходить на работу в колхоз, потом стали появляться дети – у нас их четверо: два сына и две дочери. Первую дочку жена рожала дома: пошла картошку докапывать, чувствует, подошло время... Я быстро за фельдшером в Шапкино сбегал, привел, тут она и родила. Обрезали пуповину, и я расцеловал новорожденную, не дожидаясь, пока ее вымоют и запеленают. Так был рад. Детей поднимать нам помогала теща, она сразу приехала из Соболей. Отношения у нас были самые хорошие. Может быть потому, что я вырос без матери, я ее с первого после свадьбы дня звал мамой.

Большую семью надо было одеть-обуть. Нормы тогда на селе устанавливались жесткие, но мы с ними справлялись. Чтобы заработать побольше, детей укладывали спать, а сами в ночь шли работать в поле: жали рожь, вязали лен.

В пятидесятые годы я возглавил строительную бригаду. Строили тогда много: и мельницу, и скотные дворы. Семьи росли, многие делали к домам прируб. Сделал прируб и я. В колхозе я был на хорошем счету. Как-то раз приехал из Торопца инструктор райкома и предложил мне вступить в партию. Тогда это было очень почетно, я обрадовался и рассказал обо всем дома. Но оказалось, что радовался рано: узнали, что я был в плену, и во вступлении отказали. Никогда не уважал я водку, а тогда не выдержал, рука сама потянулась к бутылке. Пил, наверное, с неделю, и сам уже чувствовал себя виноватым – хоть и не знал за что.

Клеймо военнопленного еще долго преследовало меня. Котомка с вещами на всякий случай все те годы не разбиралась. В любой момент – днем ли, ночью – могли приехать и увезти на допрос в Плоскошь или в Торопец. Бывало и так, что туда отвезут, а оттуда добираться как хочешь. А ведь утром на работу в колхоз надо.

Полностью восстановили меня в правах и признали участником войны как защитника Брестской крепости только в 1980 году. Тогда же я пошел на пенсию, но в совхозе проработал до 1985 года, потом не смог.

В 1985 году приезжал меня навестить Григорий Анисимович Новицкий из Актюбинска. С ним вместе мы работали на помещика в Гердене, вместе нас и освободили, затем вместе дослуживали в Казани – нам было что вспомнить...

1 мая 1990 года мы с женой отметили золотую свадьбу. Все было хорошо до 91-го года, когда ее парализовало. В больнице с ней лежала Михайлова Мария с Наговья, помогала ей. Жене тогда стало лучше. Через два года, в 93-ем, она снова заболела, пролежала все лето, а когда почувствовала, что умрет, то дала мне наказ, говорит: «Я скоро умру, как тебе будет худо одному... Я тебе

советую – женись, только не бери своих баб, а бери наговскую Михайлову Марию, если она пойдет...» Жены не стало 25 августа 1993 года. Прошло время, и я решил съездить в сваты к Марии, потом мы стали переписываться, потом и поженились. В Белькове мы прожили четыре года, но в деревне стало жить не под силу, пришлось переехать в Торопец, поближе к детям. Теперь к ним четверым прибавилось шесть внуков и шесть правнуков.

Так вот и живем по сей день, только жить стало трудней. 23 февраля 2010 года в торжественной обстановке мне вручили медаль в честь 65-летия Победы. А 14 марта, в мой день рождения, пришли наши торопецкие коммунисты – с цветами, со знаменем – поздравили и приняли меня в партию. Теперь она КПРФ называется. Так, в день своего девяностолетия, я стал коммунистом.